

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР. ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XI

СТРАНЫ И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

А. С. Мартынов

О ТУЗЕМНОЙ ТИБЕТСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ЭПОХУ МИН

Не так давно в китайской научной литературе была сделана весьма симптоматичная попытка подойти к туземной тибетской администрации эпохи Мин как к составной части обычной внутригосударственной системы управления, с тем чтобы затем, опираясь на наличие этого аппарата в тех или иных землях, иметь возможность доказать их вхождение в состав китайской государственной территории [2]. На наш взгляд, правомерность подобного подхода весьма сомнительна. Ниже мы попытаемся изложить, в чем заключаются наши сомнения.

* * *

Современному международному праву известны два способа определения государственной территории. Первый и главный — на основании установленных договорным порядком межгосударственных границ. Второй, вспомогательный (при невозможности действовать первым способом) — установление реальных пределов фактического, длительного и мирного осуществления внутригосударственных функций [1, 240—241]. Какой из этих способов можно применить, обосновывая включение в состав китайской государственной территории тех земель, где местные владельцы были носителями чиновничьих званий и титулов, полученных ими от императорского правительства? Сразу можно ответить, что первый способ применить нельзя, ибо зона распространения китайских титулов и званий не имела никакой определенной границы.

Принципиальная невозможность такой ограничительной линии станет совершенно очевидной, если бросить взгляд на систему международных отношений в Восточной Азии.

В результате многовековой практики общения с окружающими народами Китай выработал совершенно отличные от привычных нам представления о мире, в соответствии с которыми и была построена его система общения с внешней средой. В основе этих представлений лежало понятие о мире как единстве, но это единство в корне отличалось от современного. Последнее мыслится как взаимосвязь множества самостоятельно действующих единиц. Оно выражено в единой системе современного международного права. Для традиционного же Китая единство — сфера распространения единой власти, власти китайского императора. Этот мир обозначался термином *тянься* («Поднебесная») — понятием весьма неопределенным, породившим много споров в специальной литературе. Нам кажется, что во внешнеполитическом

аспекте все значения *тянься* можно свести к двум: это и реальная сфера политических контактов Китая и в то же время весь мир.

Нормальным считалось такое положение вещей, когда *тянься* было единым, единым под властью китайского императора.

Этот единый мир резко делился на две части: Китай и варваров, *хуа* — и, как это обычно обозначается в специальной литературе [5]. Части были неравноценными: первая считалась носителем цивилизации, во всем превосходящим вторую. На их различие смотрели не как на политический, экономический или какой-либо другой перевес, а как на превосходство образа жизни, не как на преимущество, обусловленное благоприятным ходом исторического развития, а как на явление вневременного порядка, порожденное центральным положением Китая в мире.

Характер частей Поднебесной, естественно, определял и характер их взаимодействия. Считалось, что «варвары четырех сторон» в принципе могут усваивать истинные нормы поведения. Для этого им необходимо лишь желание установить контакт с императорским двором и вести себя искренне, честно. *Чэн*, «искренность» — один из важнейших и, пожалуй, самый необходимый атрибут партнера по внешним отношениям в китайской политической теории [4, 9, 39, 43, 70]. Такое состояние «варваров» определялось китайцами как *сянхуа* — «стремление преобразоваться, цивилизоваться» [4, 34, 350, 442].

Двор очень ценил состояние *сянхуа*, ибо натура варваров была двойственной и наряду с похвальными намерениями у них часто возникала склонность к дурным поступкам, под которыми китайцы чаще всего имели в виду пограничные набеги. Им свойственно было непостоянство (*учан* — непостоянство — одна из самых распространенных в Китае отрицательных характеристик соседних народов). Поэтому благие порывы «варваров» не оставались без внимания. Двор отвечал на них политикой *жоуюань* — «мягкого отношения к далеким народам» [4, 235]. Эта политика включала предоставление права участвовать в специальных торгах и приезжать с данью ко двору. Очень часто все эти права подкреплялись пожалованием какого-либо титула или чиновничьего звания. «Варвары», наделенные всеми этими правами и носившие дарованные им титулы или звания, находились в сетях политики «цзима» — «связывания», «взнуздывания» [4, 442], что на деле означало лишь то, что их мирное поведение было в какой-то мере гарантировано.

Естественно, двор старался расширить вокруг своих границ зону в какой-то мере обеспеченной стабильности. После «умиротворения» непосредственных соседей возникла необходимость гарантировать их безопасность, т. е. «умиротворения» соседей этих соседей, и т. д. Если же принять во внимание большую мобильность населения Центральной Азии, то становится понятным, что надежной гарантией безопасности в этих условиях могло стать лишь всемерное расширение зоны контроля. Поэтому все контакты Китая с внешним миром оформлялись согласно описанной выше системе: сам факт вступления в отношения рассматривался как какая-то гарантия мирного поведения, а потому принимали всех, кто бы ни приехал ко двору, что выражалось формулой *лай цзэ бу цзюй* — «пришедших — не отталкивать» [4, 255]. Поэтому сфера раздачи титулов и званий зависела лишь от сферы контактов.

Никакого иного мира, лежащего за пределами варварской периферии, Китай не знал и никакой иной системы отношений с иностранными государствами не имел.

Таким образом, линия, включающая сферу раздачи титулов и званий, была линией горизонта китайской политической жизни — подвиж-

ной чертой, отделявшей мир видимый от невидимого, и провести ее было столь же трудно, как и линию горизонта, а найти в официальных китайских документах, пожалуй, и того трудней.

* * *

Второй критерий включения тех или иных земель в состав территории государства — это установление реальных пределов фактического, длительного и мирного осуществления внутригосударственных функций. Следовательно, для того чтобы решить вопрос о включении земель, находившихся под властью местной тибетской администрации, в состав китайской государственной территории, необходимо определить характер функций этой администрации. На наш взгляд, сам текст китайских официальных документов определяет его достаточно четко.

В первой императорской декларации, отправленной тибетцам, говорится следующее: «В древности, когда наши императоры (ваны и ди) управляли Китаем с помощью высших принципов и добродетелей, в народе царил мир и все варвары четырех сторон пребывали в спокойствии» [4, 1].

Обеспечение «спокойствия варваров» входило в обязанности императоров и было признаком образцового правления. Достигалось оно двояко — оружием и мирными средствами. «Мое государство, — говорил Тай-цзу, — получило мандат Неба под знаком Мин. Оно распространяет свою власть на десять тысяч сторон, милостиво опекает добропорядочных и оружием устрашает непокорных» [4, 9]. Это относилось непосредственно к тибетским старшинам, которые предпочли, по-видимому, первый способ обращения, для чего и прибыли ко двору с просьбой о присвоении им различных чиновничьих званий. Тай-цзу обрисовал ситуацию следующими словами: «Они прибыли ко двору издалека и просили о должностях и званиях, чтобы [иметь возможность тем самым] успокоить свои племена. Я рад тому, что они с открытой душой вняли велению Неба, повинувшись долгу, явились ко двору и не заставили нас утруждаться карательным походом» [4, 9].

Пожаловав прибывшим должностные звания, император так сформулировал их обязанности: «С этого момента назначенные чиновники должны обязательно уважать [предписываемые] двором нормы поведения и держать в мире [вверенный им] край; духовные лица должны искренне и не щадя усилий направлять и просвещать (досл. «цивилизовать» — *хуа*) народ и вести его к добру, чтобы все вместе могли наслаждаться великим покоем» [4, 9].

Подобные заявления не были редкостью. Приведем еще одну императорскую декларацию, также сделанную по случаю присвоения должностей большой группе тибетцев. Император заявлял: «[Я, император], всеми своими действиями стремлюсь водворить мир в народе. Поэтому нет среди варварских старшин таких, которые могли бы управлять (досл. „успокаивать“ — *фу*) своим народом и тем радовать Небо и которых бы я не одарил и не наградил титулами за почтительное отношение к долгу, не принося тем самым счастья их народу» [4, 15].

Таким образом, официальные китайские документы совершенно точно определяют место туземной администрации в системе управления Поднебесной: император осуществляет общее руководство по поддержанию окружающей Китай варварской периферии в состоянии покоя, а носители власти на местах являются непосредственными исполнителями этой задачи.

Для обеспечения эффективной работы этого аппарата применялись

стимулирующие средства: повышения в должности и награды. Так, в третьей императорской декларации, адресованной тибетским старшинам, говорится: «Послы уже сообщили [нам], что все чиновники (имеются в виду местные чиновники на фаньской периферии) стараются по службе [изо всех сил] и управляют народом так, что каждый [имеет возможность] наслаждаться своим делом. Я очень рад этому. Но так как ваши края обширны и многолюдны, то мне кажется, что если не установить [у вас] дополнительных управлений, то [там] будет невозможно проявлять [нашу монаршую] милость и [наш] гнев. [Поэтому я] приказал образовать управление сиань дучжихуйшисы¹ в Хэчжоу. А управление в землях Догань² и Усыцзан (Тибет) повысить в ранге до синдучжихуйшисы³. Раздать серебряные печати и наградить каждого чиновника одеждой и другими вещами. Ведь задача наград — великое правило [нашего государства]. В благодарности за это подданные должны [еще более старательно] проникать в мои намерения и оказывать еще большее уважение [нашим] правилам» [4, 12].

В деле поддержания спокойствия на периферии у императорского правительства не могло быть лучшего союзника, чем буддийское духовенство. Поэтому естественно, оно было включено в систему туземной администрации и в тибетских землях составило наиболее важную и наиболее активную часть аппарата. Обязанности монахов-чиновников перед двором были те же, что и у мирян. В постановлении об образовании на фаньской периферии управления по делам буддийской церкви они определены следующим образом: «Западные фани,—говорится там,—весьма склонны к чрезмерной жестокости, поэтому [у них] учреждено [это управление]. Оно должно поддерживать господство [буддийского] учения и тем успокаивать людей в далеких [землях]». Далее следует текст удостоверения, которое высылалось лицам, получившим официальное назначение. В нем говорилось: «Начиная с древности императоры [ваны и ди], управляя, не различали близких и далеких [народов]. Но, создавая учреждения для управления простым [народом, они] непременно изучали [его] правила и нормы поведения. [Поэтому] монахи-чиновники должны применять свое учение не просто ради своей славы, [они должны] стремиться к тому, чтобы вести [людей] по пути добра и незаметно помогать им усвоить правила нормальной государственной жизни (досл. огосударствливаться — *ванхуа*), а не только искренне стараться избавиться от желаний и [обрести] безмятежность. Разве занимающийся самосохранением достоин назначения на эти должности! И вот нынче [Я, император], учреждаю управление сэнгансы⁴, назначаю [вас] на чиновничьи должности и выдаю [вам] удостоверения. Проникать в мои намерения, распространять [учение] о славных деяниях и добродетелях Будды, изменять людям к добру — о, сколь достойно это!» [4, стр. 39].

Приведенное выше постановление касается самых восточных тибетских земель — западных окраин Шэньси, районов Синина и Хэчжоу. Но этот подход к духовенству не ограничивался ближайшими к Китаю тибетскими землями, а простирался на всю глубину фаньской периферии. Глава министерства церемоний Лю Чунь в своем докладе трону от 1515 г. писал: «Западные фани повсеместно исповедуют буддийское учение. Поэтому великие основатели [нашей династии] унаследовали от прежнего периода учрежденные в Тибете управления [и сохранили их].

¹ Т. е. отделение военно-территориального управления пров. Шэньси.

² Земли к западу от пров. Сычуань [3, т. 4, 2374].

³ Отделение военно-территориального управления.

⁴ Местное управление по делам буддийской церкви.

Всем духовным должностным лицам, начиная от Чаньхуавана, Чаньцзяована⁵ и других ванов и кончая монастырями районов Таочжоу и Миньчжоу в Шэньси и Сунпаньтина в Сычуани, вменено в обязанность просвещать и наставлять варваров. [Поэтому] им позволено приезжать с данью ко двору» [4, 350].

Вот еще одно аналогичное суждение того же Лю Чуня: «Тибет лежит на далеком западе. Нравы там в высшей степени дикие. Для умиротворения и приобщения к цивилизации [тибетского населения] там учреждены четыре должности князей учения. Им [разрешен] проезд с данью ко двору. [Все это сделано] исключительно ради того, чтобы заставить их поддерживать мир в своих владениях и не причинять беспокойства [нашим] границам» [4, 349].

Приведенного выше материала, на наш взгляд, вполне достаточно для того, чтобы прийти к следующим выводам. Институт туземной администрации представлял собой, в сущности, обязанность теоретически всех, практически всех достигаемых для китайцев носителей власти на местах сохранять мир в своих владениях. Эта обязанность была непрременной. Невыполнение ее вызвало бы карательный поход. Но вместе с тем она была почетной, так как считалось, что выдвигаются только достойные. Должное поведение туземных чиновников обеспечивалось наградами и угрозами двора, должное поведение местного населения — административным контролем и просветительской деятельностью духовенства, которое должно было вести народ к добру и приучать его к нормам цивилизованной жизни. Но если это так, то естественно возникает вопрос: можно ли туземного чиновника, которому не вменялись конкретные должностные функции, считать должностным лицом, чиновником в полном смысле этого слова? Нам кажется, что на это возможен лишь отрицательный ответ.

Отвечая подобным образом, мы исходим из следующих соображений. Во-первых, туземный чиновник не был в действительности назначаемым лицом. Все документы говорят о том, что получавшие назначения лица, как правило, уже имели власть в своих землях. Это были либо «чиновники» прежней династии, либо выдвинувшиеся местные старшины, либо получившие известность монахи. Иными словами, двор фактически не наделял властью и не перекраивал сфер власти, а опирался на уже сложившиеся формы властвования в исторически сложившихся границах. Во-вторых, при назначении туземного чиновника фактически не имели места ни делегация власти, ни возложение обязанностей с определенной сферой компетенции и с определенной границей действия. Как известно, отличительным признаком делегированной власти является ее определенность, ограниченность предоставляемых прав. Туземному же чиновнику вменялась, по сути дела, всего лишь одна обязанность — держать свой народ в мире, соблюдать спокойствие.

Если отвлечься от непривычной формы и взглянуть на существо дела, то окажется, что эта обязанность по своему характеру ближе к внешней политике, чем к внутреннему управлению. Современный договор о ненападении — это, в сущности, добровольно принятое на себя то же самое обязательство не нарушать мира. Разница состоит лишь в том, что в этом последнем случае с точки зрения современного международного права стороны являются равными, поэтому обязательство принимается добровольно и закрепляется в договоре. В нашем же слу-

⁵ Крупнейшие ламаистские иерархи, в основном из Центрального Тибета, получали от китайских императоров титулы «князей учения» — «фаванов» [3, т. 4, 2343—2346].

чае стороны выступают как неравные во всех отношениях, а потому и обязательство не принимается добровольно, а накладывается принудительно одной стороной на другую и закрепляется не в виде договора, а в форме службы того, кто принимает это обязательство, тому, кто его налагает⁶.

В-третьих, с определенностью функций чиновника рука об руку идет специализация. На первый взгляд может показаться, что в системе туземной администрации этот принцип нашел свое выражение. Документы позволяют привести длинный список различных названий туземных управлений. Но это специализация кажущаяся. На самом деле все эти учреждения можно разделить на две группы: светские и духовные. Внутри же этих групп название туземного управления определялось не задачей, а заслугами местных туземных властей, оно выражало скорее ранг, чем функцию. Вот что сказано в «Мин ши» об организации туземной администрации, причем надо учесть, что это говорится о прилегающих к границам собственно Китая землях, а не о далеком Западном крае. «В начале периода Хун-у [1368—1398] тех варваров с юго-запада, кто переходил на нашу сторону и кто ранее нес службу, оставляли на службе. Эти туземные управления назывались: *сюаньвэйсы* (управление, распространяющее успокоение), *сюаньфусы* (управление, распространяющее умиротворение), *чжаотаосы* (призывающее и карающее управление), *аньфусы* (успокаивающее и умиротворяющее управление), *чжангуаньсы* (управление старшего чиновника). Определенный ранг (название) этим управлениям присваивался исходя из величины их (т. е. местных властей) заслуг» [3, т. 4, 2173].

В-четвертых, одним из отличительных свойств чиновника является его функция (право и обязанность) исполнения законов, издаваемых центральной властью. Поэтому лицо, которое, управляя народом, действует по собственному усмотрению, а не «во исполнение законов» вышестоящей власти, вероятно, не может считаться чиновником в собственном смысле этого слова. Если перелистать официальную историю минской династии, то мы найдем там совершенно определенные утверждения, что туземные чиновники «правили в соответствии [со своими] обычаями» [3, т. 1, 530; т. 2, 632].

Нам кажется, что сказанного выше достаточно для того, чтобы показать внешне-, а не внутривполитический характер важнейших функций туземной администрации. В связи с этим будет правильно определить эту систему как «псевдоадминистративную» (а туземных чиновников как «псевдочиновников»), ибо она являлась, в сущности, оформлением отношений, которым в большинстве случаев было еще очень далеко до реальной политической зависимости, не говоря уже о государственной службе. Поэтому сфера распространения института туземной администрации не может служить показателем реальных государственных границ.

⁶ В «Мин ши» есть четкая формулировка политических задач китайского правительства в одном из районов, охваченных этой системой, и совершенно точное указание той роли, которая ей отводилась. Там говорится: «Так как земли западных фаней обширны и так как народ [живший там] дик и буен, то Тай-цзу захотел разделить их на части и уничтожить их силу, с тем чтобы они не беспокоили границы. Поэтому все приезжавшие [ко двору] получали должность. Кроме того, так как в этих землях ели [главным образом] мясо и полностью зависели от китайского чая, то [Тай-цзу] образовал в районе Тяньцюаньлюфань чайные управления „чакэсы“ и дал возможность фаням, которые приезжали с данью и на конные торги, закупать чай. Все фани цеплялись за выгоды торгового обмена и приездов с данью. К тому же они желали сохранить наследственные должности и не смели устраивать беспорядки» [3, т. 4, цз. 331, 2348]. Нам кажется, что характер и цели описанных выше мероприятий могут быть определены лишь как внешне- и ни в коем случае не как внутривполитические.

Итак, наличие туземной администрации не может быть достаточным основанием для включения тех или иных земель в состав государственной территории. Значит ли это, что оно может быть основанием для их исключения? На этот вопрос мы также должны ответить отрицательно.

Как мы старались показать выше, китайцы рассматривали свое государство как центральное, а власть своего императора как универсальную. В силу этого пределы власти китайской администрации и пределы реальной власти императорского двора могли не совпадать. Последняя иногда перехлестывала административные границы и распространялась на зону туземной администрации. Где, когда и в каких масштабах — все это зависело от конкретной политической обстановки.

Для эпохи Мин всю зону тибетской местной администрации по степени проникновения императорской власти можно разделить на три части.

Первая — зона реального административного воздействия. Она простиралась очень недалеко за линию опорных военных пунктов китайцев. В пределах этой зоны туземный чиновник был вынужден обеспечивать всем необходимым почтовую гоньбу и отвечать за нормальное передвижение посольств ко двору [4, 26, 55, 86—87]. Но это были, так сказать, обязанности производные — следствия функционирования институтов дани и туземной администрации. Об этом должны были заботиться все власти, охваченные данными институтами, и лишь на практике больше всего перепало ближайшим соседям. Это не являлось качественным отличием ближних туземных властей от всех остальных.

Качественным отличием, на наш взгляд, был постепенный процесс «натурализации», который в первой зоне находил свое выражение в двух явлениях: введении различных налогов и повинностей и в замене туземной администрации обычной китайской администрацией. Однако, насколько можно судить по документам, в эпоху Мин на тибетской территории этот процесс развивался медленно. Власти не ставили себе задачу ускорить его течение. Вот весьма характерное свидетельство. В начале 22 года правления Хун-у (1389) из округа Маочжоу пров. Сычуань прибыл в столицу управляющий уездом Ваньшань Као Цзи и доложил следующее: «[В моем уезде] цяны живут в 28 поселениях. Язык их непонятен. С тех пор как там учредили уездное управление, прошло уже семь лет, но они не желают нести трудовые повинности». Император ответил: «Нравы варваров мань [первобытно] просты, и они отличаются от нравов Китая. Как можно обременять их трудовыми повинностями? ⁷ [Сначала надо] суметь искусно успокоить их [и держать их в таком состоянии], тогда они сами собой покорятся» [4, 35].

Политика минских властей в этом вопросе оставалась неизменной на протяжении всего царствования династии. Поэтому документы, аналогичные приведенному, можно встретить не только в период Хун-у, но и в последние годы Цзя-цзин (1522—1566). В 40 г. Цзя-цзин из Шэньси в столицу поступил доклад, где говорилось о неудобствах, связанных с заменой в 24 г. Цзя-цзин (1545 г.) туземной и пограничной администрации на западе от Маньчжоу управлением обычного типа.

⁷ В первом случае, в докладе, тибетцы уезда Ваньшань названы цянами. Император же говорит о них как о манях.

Пожаловавшись на то, что тибетцами стало невозможно управлять, что они разбегаются и не хотят нести повинности, докладывающий приходит к заключению, что варвары-фани привыкли к наследственной местной администрации, которая резко отличается от управления с помощью сменяемых чиновников, и поэтому лучше упразднить округ и восстановить старое управление. В столице согласились, и округ Миньчжоу был упразднен [4, 403].

Каким бы медленным ни был процесс «натурализации», все-таки надо иметь в виду, что он имел место, что граница взимания налогов, несения повинностей, хотя и медленно, но двигалась на запад [4, стр. 26, 33—35], а вслед за нею двигалась граница собственно китайской администрации. К институту туземной администрации этот процесс прямого отношения не имел. Он определялся иными факторами: потребностями обороны пограничных районов и реальными возможностями распространения власти китайской администрации. Тем не менее протекал он, как правило, в зоне действия, а иногда и в рамках туземной администрации.

Вторую зону можно назвать зоной реального политического контроля. Точную границу ее на карте указать, конечно, трудно, да и вообще границы между выделенными нами зонами довольно условны и мобильны. Однако приблизительно эту зону определить все-таки можно. Она начиналась за пределами сферы реального подчинения и кончалась, вернее постепенно сходилась на нет, в Амдо, далеко не достигая границ собственно Тибета. Западная граница этой зоны была, так сказать, «технической». Она определялась той дальностью возможных карательных походов, которая была по силам минской династии.

В пределах этой зоны нарушение мира, нападение на пограничные китайские земли или на своего соседа могли повлечь за собой реальное возмездие [см. 4, 17—21, 29—30, 43—44]. Внутренние беспорядки также не оставались без внимания со стороны двора [см. 4, 70, 111, 134 и т. д.]. Местные туземные власти были обязаны участвовать и действительно иногда участвовали в карательных экспедициях, предпринимаемых двором [4, 111, 116—117, 131].

Зону реального политического контроля можно назвать основной в системе туземной администрации. Здесь этот институт был представлен в наиболее чистом виде и выполнял реальную функцию поддержания мира, возлагая на туземные власти все вытекавшие отсюда обязанности.

Третью зону можно назвать зоной номинального контроля. Она простиралась до самого Непала включительно. Некоторые местные власти в этих землях — светские или духовные — носили присвоенные им двором должностные звания и титулы. Общеизвестно, однако, что политическая история собственно Тибета, не говоря уже о Непале, в эпоху Мин практически не испытала на себе никакого прямого воздействия Китая. В этой зоне у местных властей из всех обязанностей осталась лишь одна — обязанность или, скорее, право приезда с данью ко двору.

Мы старались показать, что наличие на тибетских землях системы туземной администрации не может служить достаточным основанием ни для включения этих земель в состав китайской государственной территории, ни для их исключения из нее. Этот пример, как нам кажется, довольно убедительно демонстрирует, насколько труден, а иногда принципиально невозможен перевод понятий традиционной китайской политической системы на язык современного международного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фердросс А., *Международное право*, М., 1959.
2. Лиши яньцзю (*Изучение истории*), 1963, сб. 5, стр. 1—10 (на кит. яз.).
3. Мин ши (*История минской династии*), серия «Сыбубэйяо».
4. Миндай Сицзан шиляо (*Материалы по истории Тибета при династии Мин*) (ред. Д. Тамура и Х. Сато, Киото, 1959) (на кит. яз.).
5. Fujimura, Michio; An Opposition of Modern Japanese Diplomacy to International Relation in the Premodern East Asia: On the concluding a Treaty of Friendly Relation between Japan and China. *The Journal of the faculty of Literature. Nagoya University. History*. XLI, 14, 1966, стр. 30—31.
6. Hucker Ch. O., Governmental Organization of the Ming Dynasty. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 1958, vol. 21, стр. 58.